

первый писательский турнир в Instagram

БУКВЫ. ДЕНЬГИ. 2 ПЕРА

#ЛИГА_БДП

Буквы. Деньги. 2 пера. Том первый

«Издательские решения»

Буквы. Деньги. 2 пера. Том первый / «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505557-6

В этом сборнике собраны самые лучшие рассказы, написанные в рамках первого писательского турнира «БУКВЫ. ДЕНЬГИ. 2 ПЕРА». Турнир был проведен летом 2019 года в Instagram.

ISBN 978-5-00-505557-6

© Издательские решения

Содержание

БУКВЫ	6
Слово от нас	7
ФИНАЛИСТЫ	8
Зазеркалье	8
Чувствующая кожей	10
Эта загадочная Боливия	13
Неугасимая	16
Кормилица	19
Похищенное время	22
Состояние души	25
Хранитель	28
Грета	31
Святой Лаврентий	35
Коллектор для особого случая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Буквы. Деньги. 2 пера Том первый

Корректор Лиза Глум

Дизайнер обложки Александра Семенова

Редактор Александра Семенова

© Александра Семенова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-5557-6 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-5558-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**БУКВЫ
ДЕНЬГИ
ДВА ПЕРА**

пиши и выиграй

Слово от нас

(Александра, Яны, Лизы, Нади и целых двух Саи)

***Авторам:** этим летом мы с вами отождгли!*

Турнир стал крутым, потому что круты вы... ну и мы, эксперты, ... не без этого, конечно. В общем, знайте, ЛИГА_БДП рулит...

Еще не с нами? Пора по #

***Читателям:** в этом сборнике собраны невероятные истории: юморные, грустные, динамичные и нерасторопные, душевные до слез и просто боевики, страшные до дрожи в коленках, блокбастеры, которые бы в Голливуд.*

За 8 заданий Турнира участники написали более 800 рассказов. В сборник попали одни из самых ярких, те, что зацепили жюри за душу. Но и их много... именно поэтому для удобства чтения мы решили разделить сборник на 2 тома. У вас в руках том 1.

Мы уверены, что эти истории захватят вас с головой!)) Читайте и наслаждайтесь:_)

ФИНАЛИСТЫ

Зазеркалье

Полина Киселёва

@poulineki

Сколько нужно времени, чтобы понять, что твоя жизнь перевернулась? Один миг. Взмах крыльев мотылька, удар молнии, отправленное сообщение, судебное решение – всё решают секунды. Мгновение – и родился новый человек. Ещё одно – и смерть унесла другого. Раз, два, три, четыре – словно считалка.

Раз – я открываю любимую пудреницу, два – улыбаюсь солнечному зайчику в зеркальце, три – мощный удар сбивает меня с ног, четыре – моя жизнь мне больше не принадлежит.

Меня зовут Джессика Моррис. Вчера мне исполнилось двадцать девять лет. На день рождения мне всегда дарят много цветов – безумно люблю их. В этот раз, наверное, тоже так было. Только я этого не видела.

Я обычная девчонка – симпатичная, милая и очень жизнелюбивая. Так обо мне говорят. Теперь особенно часто. Дэнни любит повторять, что я сильная, крепкая, и чего у меня не отнять – так это воли к жизни.

Дэнни... Мы познакомились три года назад на улице. Я как всегда замерла у витрины и рассматривала свои любимые безделушки, а он стоял позади и строил рожицы. Поймав его отражение, я рассмеялась. Дэнни говорил тогда, что его привлекло усердие, с которым я разглядывала зеркальца на прилавке – даже рот открыла. Это правда: когда дело касается моей маленькой коллекции – мир вокруг меня замирает.

Я собираю женские зеркальца. У меня их наберётся около двух сотен, самых разных: редких, популярных, усыпанных камнями и стильных, лаконичных. В моём собрании найдутся пудреницы и просто маленькие коробочки, в которых спрятана самая любимая и необходимая женская принадлежность – зеркало. Люблю их за то, что они честны и хранят нашу красоту. Дэнни всегда забавляла эта моя особенность.

С тех пор, как мы увидели наши отражения в витрине, завели обычай – искать зеркало и улыбаться двойникам. Мы должны были пожениться и никогда не расставаться, но теперь мы дарим улыбки друг другу по разные стороны зеркала.

Год назад на перекрестке случилась страшная авария – скорая столкнулась с грузовиком, пострадали несколько человек, и я была в их числе. Я влетела в витрину салона красоты, прямоком в зеркало. Так мое тело получило обширную травму головы, а душа застряла по ту сторону реальности. Один миг – и я оказалась пленницей зазеркалья, застряла между сейчас и завтра.

Моё тело, увитое проводками и капельницами, лежит на больничной койке. А душа блуждает, уже долгое время пытаюсь найти выход. Все, что мне осталось – отражаться в зеркалах.

Здесь холодно, но – вопреки представлениям – солнечно. Зеркала поглощают свет, но не тепло. Удивительно, но лишь я могу это чувствовать. Остальные обитатели – это души погибших. Им неведомы ни холод, ни жара. Как уставшие путники они блуждают здесь в поисках успокоения. А вот таких, как я – зависших между жизнью и смертью – здесь нет. Об этом мне рассказал Фред. Это он нашёл меня, провёл экскурсию и рассказал, как тут всё устроено.

Фред здесь старожил, он уже потерял счёт годам. Да и времени здесь не существует – для тех, кто как Фред, мёртв. Когда-то у него была семья, любимая работа, но времена великой депрессии унесли жизни его жены и детей. Они умерли от голода. Фред остался последним. Он скончался один, в своей комнате, и зеркало забрало его душу. Соседи, обнаружившие тело, завесили все поверхности, способные отражать, тем самым закрыв ему путь назад. А после и вовсе разбили зеркало, и теперь он тут навечно. Умершие души не отражаются, и ничего не могут сделать, только смириться.

А у меня есть шанс. Так говорит Фредди. Пока меня не отключили от аппарата, я могу вернуться. Для этого нужно открыть портал. Каждый год в полночь, когда календарь показывает день аварии, двери зазеркалья открываются. Если поставить семь разных зеркал в круг на перекрёстке, где я пострадала, моя душа сможет вернуться в тело.

И я стала искать Дэнни, показываясь в зеркалах, витринах, воде. В отличие от остальных пленников – я могу отражаться, пока моё тело дышит.

Я являлась Дэнни до тех пор, пока он не поверил, что видит меня. Тогда он долго смотрел, пытался прикоснуться, но зеркальная стена разделяла нас. И только в полнолуние мы могли говорить друг с другом – всего несколько минут до полуночи и после, но они так дороги нам обоим. Благодаря этим мгновениям я смогла объяснить, что я здесь, живая. Моя душа заперта, и надо лишь вернуть ее.

Дэнни всегда посмеивался над моей коллекцией, а теперь ему предстоит создать собственную – из семи зеркал.

Сегодня особенный день. Ночью взойдет полная луна. Дэнни приобрёл последнее зеркало – старинное, на аукционе. Ему предстоит расставить элементы обряда на перекрёстке, и как только луна отразится во всех семи зеркалах – откроется портал. Мы снова будем вместе. Сыграем свадьбу, как планировали. Я так жду этого. Весь день хожу сама не своя. Фредди посмеивается надо мной и желает удачи. Мне так жаль, что придётся оставить его здесь, но он смотрит на меня с тихой грустью – ему не к кому возвращаться. Я буду скучать по нему. В последний раз обнимаю Фредди, отдаю ему свою пудреницу – на память, хочу, чтобы мне ничего не напоминало о моём заточении.

Дэнни очень нервничает, я не могу поговорить с ним, но вижу отражение, ловлю драгоценные мгновения, и так хочу обнять, снова почувствовать его тепло, прикоснуться.

Подхожу к зеркалу – луна сегодня яркая. Любуюсь Дэнни. Он расставляет зеркала, бережно, аккуратно, прядь волос выбилась – не терпится её поправить. Вот и всё. Дэнни становится в центр круга. Луна показывается в каждом зеркале. Вдруг образ Дэнни расплывается, сквозь него пробивается яркий свет, дорога открывается. Я иду, медленно, боясь спугнуть удачу. Свет рассеивается – я вижу Дэнни.

Его глаза – мне никогда не забыть их. Дэнни улыбается – изнутри, и я не могу вымолвить и слова, просто перехватываю улыбку. Протягиваю руку – касаюсь его пальцев. Одно мгновение – и мы снова будем вместе. Один миг – и визг тормозов врежется в тишину ночи.

Раз – звон зеркал нарушает покой, два – мы встречаемся с Дэнни взглядом, три – он отпускает мою руку, четыре – я теряю его навсегда.

Сколько нужно времени, чтобы осознать, что ты жив? Один миг. Сколько нужно времени, чтобы принять, что такая жизнь тебе нужна? И вечности не хватит.

Открываю глаза – сквозь свет ламп пробиваются удивленные лица врачей. «Пришла в себя, очнулась», – слышится отовсюду. Я чувствую свое тело, шевелю пальцами, моргаю. Но больше всего на свете хочу вернуться туда, куда дороги нет – в Зазеркалье, к Дэнни.

Чувствующая кожей

Полина Киселёва

@poulineki

Что запоминается больше всего, когда встречаешь человека? Глаза, улыбка, голос или, может, запах? Для меня ответ очевиден – прикосновение. Достаточно лишь дотронуться.

Меня нарекли Лиэр Воэль, что означает «чувствовать кожей». Кто-то видит людей насквозь, а я их словно сканирую, прикасаясь. Этот дар мне достался от отца. А ему – от своей матери.

Папа видит будущее. Он – жрец нашего племени. С любой хворью и проблемой в первую очередь бегут к нему. Он говорит с богами, знает, когда необходимо прятаться от их проклятья и когда ждать урожая.

Наш род испокон веков был приближен к вождям. Мы занимались врачеванием, лечили тело и душу, предсказывали будущее.

Я еще слишком молода, чтобы видеть предстоящее, но зато я знаю прошлое и настоящее. Взяв человека за руку, я читаю его мысли и вижу картинки минувших дней. Впервые обнаружив свою способность, я нисколько не испугалась. Напротив, мне стало интересно знать все и про всех. Девчонкой я бегала по двору и, играя, дотрагивалась до разных людей. Так я без труда определяла честных, праведных и подлых, переступивших закон. Нарушители всегда излучают холод: чем больше натворили, тем сильнее пробивает мороз от их прикосновения.

Я выросла, и теперь при любом споре, конфликте сначала идут ко мне. Еще ни разу я не ошиблась, ни разу не выдала неверного решения. Меня невозможно обмануть. Но у всего на свете есть своя цена.

– Боги избрали тебя посредницей, даровав возможность чувствовать ложь, ты должна достойно нести это почетное имя. После моей смерти ты станешь жрицей племени, – говорил мой отец. – Но хоть единожды солгав своему роду или нарушив клятву не покидать деревню, ты лишишься дара. Ты можешь лгать другим, оберегая нас, но перед племенем ты должна быть честна.

И я с честью соблюдала все условия.

Наша деревня находится у подножия гор, надежно скрытая от посторонних глаз величественными громадинами. В горах спрятаны сокровища и золото. Наши купцы выходят в экспедиции, чтобы торговать с другими племенами. Никто не должен знать дороги в деревню – слишком много охотников за золотом появилось в последние годы. Единственный ход в деревню – лабиринт, который убьет каждого чужеземца, не знающего о ловушках, старательно сооружаемых нами.

Многие золотоискатели погибли здесь, дерзко решив, что смогут нажиться на наших сокровищах.

Я люблю выходить за пределы деревни, бегаю к реке, узнаю новые места. Отец ругает меня, но я всегда аккуратна и тиха, и если увижу опасность, знаю, что смогу быстро вернуться и предупредить своих.

Однажды, исследуя окрестности, я обнаружила юношу, распластавшегося на берегу реки, по-видимому, без сознания. Убедившись, что поблизости никого нет, я осторожно подошла к нему. Мокрые пряди волос налипли на его лицо, рубаха истрепалась, видно, молодого чело-

века вынесло течением. Я наклонилась проверить пульс, прикоснулась к шее – и словно ток пробежал по моему телу. От неожиданности я одернула руку. Мужчина дышал, и это успокоило меня. По виду он был похож на одного из золотоискателей.

Снова оглянувшись в поисках засады, я поборолa сомнения и, затаив дыхание, прикоснулась к нему еще раз. Моя кожа не обманула меня – юноша излучал невероятное тепло, которое разлилось по моему телу приятным потоком. Никогда раньше я не чувствовала подобного. Не удержавшись, я сжала руку юноши и увидела всю его жизнь.

Я прочитала, что его имя – Энтони и что он родом с другой земли. Молодой человек приехал сюда, сопровождая брата в поисках сокровищ, и дома его ждала невеста. Вся компания заблудилась, Энтони вызвался найти дорогу и сорвался по глинистому берегу в бурлящую горную реку. Он чудом уцелел – вода выбросила его на берег. Но там – на другой стороне реки – среди зарослей его искали товарищи.

Я знала, что близился сезон дождей и в скором времени вода выйдет из берегов. А значит, на противоположную сторону перебраться будет невозможно. Я привела в чувство Энтони. Он очнулся, но почти не мог двигаться – нога была сломана, при падении он сильно пострадал, получив множество ушибов. Я помогла ему добраться до хижины неподалеку, укрыла и побежала за лекарствами.

Так я выхаживала его две недели. Энтони рассказал мне свою историю в точности так, как я увидела. Он благодарил меня и называл своей спасительницей. В один из дней начался ливень. В наших краях дожди затягиваются на долгое время и размывают дороги. Оставлять Энтони в хижине больше было нельзя. И тогда я, поборов сомнения, рискнула – провела его по лабиринту в деревню.

В нашем племени не любят чужаков, ведь узнав путь, они могут привести врагов. Отец гневался на меня.

– Что ты наделала, Лиэр! Ты навела на нас беду, – и он схватился руками за голову.

– Отец, Энтони хороший человек, помыслы его чисты, и он не предаст нас. Сезон дождей отрезал деревню на продолжительное время. Давай оставим его, дадим шанс стать одним из нас! – убеждала я его.

– Ему никогда не стать одним из нас, дочь. Он видит в золоте наживу и способ разбогатеть, а мы – средство к существованию! – и он отправился готовиться к ритуалу. – Я должен взглянуть в будущее.

Увидев картинку предстоящего, отец пришел к вождю с докладом.

– Великий вождь, чужестранец не причинит нам зла, его родные не ищут пропавшего, считают его погибшим. Брат его задумал жениться на невесте умершего и обрадовался его скорой кончине. В тот же день он сел на корабль и отправился с грустной вестью к отцу. Мы можем оставить юношу в живых в нашей деревне, научить промыслу, но лишь с одним условием – никогда не покидать пределы деревни. Боги сказали мне, здесь его ждет великая любовь. А наказание он и так получил сполна, лишившись дома и семьи.

Вождь прислушался к отцу, и Энтони остался. С тех пор мы сблизились. Каждый раз, когда я проводила ладонью по руке Энтони, я ощущала невероятное тепло.

Поначалу ему было тяжело с нами, ведь он не знал нашего языка, наши обычаи были чужды ему. Я ощущала всю боль, которую Энтони носил в сердце.

Шло время, и Энтони привык жить по нашим правилам. Между нами возникло чувство, которое принято называть любовью. Мы так сблизились, что уже не могли обходиться друг без друга. Отец видел это и благословил на брак. Боги разрешили, и в последний день сезона дождей мы с Энтони сыграли свадьбу.

Я ощущала невероятное счастье, каждый день просыпаясь с Энтони, и он был счастлив. Но постепенно я стала замечать, что улыбка его грустнеет, все чаще в глазах мелькает печаль. Тогда я взяла его за руку и, борясь с своими страхами, прочитала тайные мысли мужа.

Мой Энтони тосковал по дому, по родным, по своей земле. Остаться со мной для него было счастьем, жить вдали от родины – непроходимой болью. И муж предложил мне сбежать, покинуть родной дом, отправиться с ним на его Землю.

Той ночью я не спала. Боль теперь текла по моим жилам вместо крови. Я знала, что нарушив клятву, потеряю свой дар и предам отца и род. Уговорить Энтони остаться – значило обрести его на мучения. И тогда я сделала выбор.

Ночью я провела его по лабиринту, обещав убежать вместе с ним, а когда довела до кораблей, собиравшихся в путь – объявила о своем решении.

– Я жрица, Энтони. И это мой путь. Я счастлива, что однажды он пересёкся с твоим, и я навсегда буду хранить нашу любовь в сердце. Но я не стану держать тебя против воли. Ты свободен. И твой путь совсем другой. Нужно уметь отпустить.

Я помню его слезы, уговоры, но и блеск, который промелькнул в его глазах, когда он увидел корабль.

В последний раз я обняла любовь всей моей жизни, в последний раз меня обдало волной горячего тока. Он обещал вернуться за мной. Я улыбалась, роняя слезы и знала, что этого не случится. Той же ночью лабиринт будет засыпан, и будет воздвигнут новый. Я смотрела на удаляющуюся спину моего мужа и улыбалась сквозь слезы. Внутри меня зарождалась новая жизнь.

Эта загадочная Боливия

Полина Киселёва

@poulineki

– Это вы виноваты, вы! – пожилой мужчина индейского происхождения гневно ругался в приемном отделении госпиталя Ла-Паса. На плече у него плакала его жена, истеричные крики которой нарушали привычный ритм больницы. Мэгги понимала их горе – сегодня ночью скончалась их единственная дочь, которую привезли с симптомами, похожими на вирус Денге.

Смертельный случай не был первым в ее практике, и каждый раз Мэгги испытывала вину – за то, что не справилась, не успела, не помогла. Со временем она научилась смотреть на смерть отстраненно и просто делать свою работу – все возможное, чтобы спасти жизнь. Она научилась смотреть в глаза родственникам умерших пациентов и говорить нужные сочувственные слова. Но сегодня ей было особенно трудно, ведь на операционном столе скончалась её постоянная пациентка – Андреа Торрез. Вчера она обследовала ее, выписала необходимые лекарства из имеющихся и отпустила домой. Улучшение было видно невооруженным глазом.

Мэгги Льюис приехала в Боливию практикующим врачом-хирургом несколько месяцев назад из Огайо. Местный колорит сначала пугал ее: народ более охотно обращается здесь к местным знахарям. Но в то же время Мэгги нравилось, что она попала в другой мир, нравились эти немного дикие люди, нравились обычаи, такие непонятные для неё. Она острее чувствовала важность своей профессии, правильность своего выбора. Мэгги любила приключения, и когда ей предложили контракт в единственной современной клинике Боливии, она согласилась, не раздумывая.

– Я знала, что эти американо погубят мою девочку. Зачем мы привели ее сюда, Педро, зачем? – упивалась горем несчастная мать.

Мэгги смотрела на них из опустевшей палаты и не могла справиться с чувством досады, овладевшим ей. Конечно, родителей Андреа можно понять, но кто поймет их, врачей, которые рискуют жизнью, спасая пациентов, по глупости своей не обращающихся вовремя к врачу. Только недавно была вспышка туберкулеза, которую удалось подавить невероятными усилиями и благодаря профессионализму и слаженной работе медперсонала, быстро среагировавшего на симптомы и жалобы жителей города. А ночью Андреа поступила с полным обезвоживанием и высокой температурой. Пробы на анализ известных вирусов показали отрицательный результат. Томас – врач, проводивший реанимацию – два часа назад слег с похожими симптомами.

Мэгги почувствовала сильную усталость – день выдался непростой. Она потеряла виски – жуткая боль пронзила голову, в глазах потемнело. Преодолевая слабость, она направилась в процедурный кабинет и вдруг ощутила на себе пристальный взгляд. Обернувшись, она не поверила своим глазам – на неё внимательно и горделиво смотрел старик в полосатом пончо. Поймав взгляд Мэгги, он едва заметно кивнул ей и повернулся к выходу. Мэгги не успела удивиться, рухнув без чувств в коридоре больницы.

Ла-Пас славился не только природными красотами, но и так называемым рынком ведьм. Что здесь только нельзя было увидеть – все местные знахари и шаманы покупали тут ингредиенты для обрядов и лекарств. Мэгги ещё не успела привыкнуть к тому, что при любом симптоме местные жители отправляются сюда. Несмотря на свою любовь к приключениям, она старательно избегала этого места – врачей и чужестранцев здесь не очень-то жаловали. Да и к магии она относилась настороженно. Но Томас, ее коллега, потащил её.

– Ну давай поглядим, неужели тебе не интересно, Мэг? Это же местная достопримечательность. К тому же, мне тут подсказали одну лавочку – в ней можно приобрести амулет, который принесет богатство. – Том довольно улыбнулся, будто пересчитывал про себя возможную наживу.

– Поверить не могу, что ты повелся на всю эту чушь, – Мэг недовольно скривилась.

– Не повелся, просто хочу быть богатым. Ну мы же ничего не потеряем, в колдовство ты все равно не веришь, так что бояться нечего, – Томас взял ее под руку.

– Да я и не боюсь, – нарочито уверенно произнесла Мэгги и перестала сопротивляться.

Через час они оказались в Меркадо-де-Брухас. Рынок был заставлен прилавками с различными снадобьями, атрибутами древних обрядов, фигурками, идолами, сушеными травами, амулетами и оберегами. Улица была шумная, говор слышался тут и там, доносились зазывные речи продавцов – шаманов, удивленные и восхищенные возгласы туристов. Некоторые торговцы с любопытством разглядывали парочку белокожих, другие активно предлагали свои товары. Том крепко сжал руку Мэг и уверенно направился к прилавку, возле которого сидел мужчина в полосатом пончо. Приблизившись, Мэгги разглядела в нем индейца, его лицо было покрыто морщинами, а вид выдавал уверенность и спокойствие. У Мэг пробежал холодок по спине, едва их взгляды встретились, словно кто-то проник в ее мысли.

Старик улыбнулся им и произнес:

– У меня есть то, что вам нужно, – и протянул засохшую тушку грызуна.

– Нет-нет, я ищу амулет, – начал Томас, отмахиваясь от неприятного товара.

– Вы ищете богатство, я знаю. Этот амулет поможет, – индеец говорил медленно.

«Откуда он знает про богатство? – удивилась Мэгги. – Наверное, все туристы приходят за этим».

И он тут же обратился к ней – взгляд его маленьких карих глаз сканировал ее насквозь.

– Ты не веришь нам, в мудрость, веками доказанную. Зачем ты пришла сюда, если нет веры?

– Я... – Мэгги замямлась, – я ищу лекарство... от сильной простуды. – Идея родилась в ее голове моментально, и, повинувшись порыву, она решила идти до конца.

Старик снова улыбнулся и, не отрывая взгляда, протянул ей маленький сверток.

– Что это? – Мэгги держала в руках измельченные листья и коренья какого-то растения.

– Это то, что ты просишь. Завари и выпей отвар. Одного раза достаточно.

Мэгги недоверчиво посмотрела на него. Но спорить не осмелилась.

– Сколько это стоит?

– Это стоит твоей веры. Я возьму плату только за амулет. И помни – это поможет тебе, когда придет время.

С этими словами он взял деньги у Томаса, стоявшего разинув рот, и незаметно удалился.

Мэгги очнулась в больничной палате под капельницей. Вокруг нее сновали обеспокоенные медсестры. Подозвав одну из них, едва шевелящимися губами она прошептала:

– В кармане моего халата... сухой сбор, завари его и дай мне выпить. Пожалуйста, Сьюзен. Я знаю, это мне поможет, – и она, обессиленная, закрыла глаза.

Из дверей крупнейшего госпиталя Ла-Паса вышли двое пожилых мужчин и женщина. Старик в полосатом пончо поддерживал женщину. Они шли неторопливо, сгорбившись.

– Ах, Хосе, почему же мы сразу не пошли к вам? Эта американка погубила нашу девочку. Женщина снова расплакалась.

– Она потеряла веру, Фернанда. Но сегодня она ее обретет снова. Андреа нельзя было помочь, а той американке можно. Надо лишь обрести то, что потеряно.

Женщина непонимающе посмотрела на него. Они неспешно продолжили путь. Старик загадочно улыбался.

Неугасимая

Яна Денисова
@lovelytoys_viktoria

– Милая, замерзла? – Фриман закутывает меня в свой плащ, задевает кульги, боль впирается в тело и дребезжит вдоль позвоночника.

Безмолвно плачу, слезы теплыми ручейками текут по лицу. Кричать нельзя, мы беглецы.

– Тише, тише, прости, милая, – Фриман сам чуть не плачет, роется в бесчисленных карманах. – Вот, поешь...

Пикает мне в рот какие-то мокрые склизкие кусочки, я покорно глотаю – на вкус как прелая вата, чуть сдобренная лежалым сахаром. Желудок бурчит, брезгливо принимает подношение.

Фриман укладывается рядом, дышит мне в затылок, стараясь согреть.

Уже вторые сутки мы прячемся под полуобвалившимся мостом, в хлипком убежище из вонючих, волглых коробок. Затяжной ливень сорвал план капитана: добраться до баркаса в назначенный срок, и мастер Миддлман, наверняка, ушел.

– Дождется, должен дожждаться, – бормочет старик и тревожно засыпает.

Шум дождя убаюкивает, отрешаюсь от боли в воспаленных кульгах, выпитываю капельки драгоценного тепла и тону в черном, тягучем сне...

Моя мать была звездой «Невиданного шоу уродов магистра Аглисола». Поглазеть на нее приходили зеваки со всех краев. Стоит ли говорить, что из матушкиных родов магистр Аглисол устроил немислимый доселе аттракцион?

Утробный рев роженицы, потоки вязкой горячей крови, разверстая в родовых потугах багровая плоть – за созерцание этого зрелища зрители заплатили целое состояние. Матушка исходила потом и довольством, а когда на моем тщедушном тельце, выскользнувшем из натруженного чрева, не обнаружилось никаких уродств, сердито махнула толстой рукой:

– Унесите прочь! И чтоб на глаза мне эта девка не попадалась!

Росла я в загоне для цирковых животных, в труппе были змея с двумя головами, свинья-альбинос да ученая собака с обваренным, кишасим червями боком. Сердобольная карлица Эстер подкармливала меня размоченным в вине хлебом и меняла время от времени грязные пеленки.

За нехитрую заботу обо мне она получала от моей матери чуть меньше побоев, чем другие, а в дни празднеств – на глоток вина больше обычного. Стараясь не сглотнуть, Эстер приносила заветный глоточек мне и по капельке выпускала в мой рот, который я жадно как птенец разевала.

Вскоре она умерла от чахотки, оставив меня горевать по-детски глубоко и искренне.

Когда мне исполнилось шесть, я, наконец, оправдала надежды своей родительницы. На меня напала свинья и отгрызла мне руку. И сожрала ее.

Пока я, парализованная болью, истекала кровью и мочой, а эта вонючая белесая тварь громко хрумкала моими пальчиками, магистр Аглисол лишь удрученно качал головой:

– Ах, какое зрелище пропало!

Но моя блистательная мать не растерялась и тут же горячо зашептала ему на ухо, а потом кивнула мне, едва живой от потери крови:

– У тебя будет свое шоу, дорогая! Мои поздравления!

Ах, что это было за шоу, просто блеск! Грубые красноносые рожи свистели и улюлюкали, глядя, как толстая свинья гоняется за мной, а потом с громким чавканьем отгрызает собачью лапу, или коровье ухо, или еще живого кролика, пришитых суровыми нитками к моей воспаленной культяпке.

Не успевающие заживать раны смердели и кровоточили, я сдирала струпья, вычищала опарышей, которых тут же давила босыми ногами, и тихо-тихо завывала, прижигая оголенное мясо раскаленным ножом.

Через несколько месяцев я высыпала в свиное корыто полмешка крысиного яду и сбегала.

Как далеко могла уйти тощая, босая, калечная девчонка? Меня поймали и, не торгуясь, продали в одно из «возмутительных» заведений мадам Крулхарт, славящееся совсем юными, нетронутыми женским созреванием девицами.

В борделе было тепло и сытно. Пропахшие табаком пьяные хари, их мерзкое потное пыхтение и привычная тянущая боль меж ломких косточек – все это с лихвой окупалось обильной едой и красивым лоскутным одеялом, которое сшила для меня одна из девушек.

Здесь меня и нашел капитан Фриман – старый морской волк с седой бородой и добродушными глазами, серыми, как штормовое море.

Он приходил нечасто, успевало смениться несколько лун подряд. Платил капитан щедро, старым золотом, только он ко мне не притрагивался, как другие. Он гладил меня по голове, угощал апельсинами и рассказывал о быстроходных кораблях, жестоких пиратах и далеких жарких берегах. Дарил блестящие латунные пуговицы, изгибистые ракушки и кусочки яркого шелка, а однажды принес книгу, настоящую, с картинками!

Я подолгу разглядывала серые волны, стремительные кораблики, гладила кончиками пальцев непонятные мне буквы и впервые в жизни боязливо мечтала: вот бы увидеть море!

Капитан Фриман говорил:

– Потерпи, милая, я тебя отсюда заберу, вот увидишь. И будет тебе море, и ветер, и бусы из ракушек!

Робкое счастье, тоненькой свечечкой греющее меня изнутри, длилось столько лун, что я и сосчитать не могла.

Казалось, я жила в непотребном доме всегда, и здесь и есть мое место, но все изменилось в один миг.

Следуя законам природы, мое тело, наконец, созрело. Расцветших девушек мадам Крулхарт перепродавала в портовые кабаки, на потеху морякам со всего света.

Только какой моряк польстится на серую, как трюмовая крыса, однорукую девку, когда на койках полно сочных пышногрудых прелестниц? Более негодная для плотских утех, я была дрянным товаром – проще собакам скормить.

И в числе десятка таких же завалищих девиц меня за гроши продали профессору Меркелису.

Я сразу поняла, что сытенькой беспечной жизни пришел конец, капитан меня не найдет, да и искать-то вряд ли будет, и море, серое штормовое море, останется где-то далеко, в глупых уродских мечтах... И я безропотно сносила все манипуляции профессора и его подручных. Молча глотала горькие порошки и микстуры, послушно подкладывала свою культяпку под острый скальпель.

Когда выпадали зубы, бескровно и безболезненно, профессор одобрительно улыбался и гладил меня по лысой голове. В эти моменты вспоминался капитан Фриман, его зычный смех и въевшийся в кожу запах, соленый, шершавый. И откуда-то изнутри поднималось тепло, будто вспыхивала свечечка, та самая, тоненькая, чающаяся, но согревающая не хуже весеннего солнца.

Однажды мне приснился сон, впервые в жизни, яркий, цветной, будто я падала в калейдоскоп, и пестрые стеклышки звенели вокруг, составляя невиданные доселе пейзажи. А среди них улыбалась матушка:

– Ну какое море, глупая? У тебя же есть свое шоу!

И показывала на танцующих цирковых свиней, кроваво-красных, с белыми кроликами вместо хвостиков.

– Что они с тобой сделали, господи, что же они сделали? – сквозь пелену боли слышу сиплый шепот.

Кто-то наклоняется ко мне, жесткая рука закрывает мне рот:

– Тише, милая, шшшшш. Я вернулся за тобой, помнишь, я обещал?

Я киваю, вращаю глазами, я помню, я не забывала!

Капитан закутывает меня в одеяло, подхватывает на руки, я до крови прикусываю изнутри щеки, чтобы не закричать, краешком сознания цепляю свое изуродованное тело и уплываю, словно кораблик по волнам, в черное.

Прислонившись спиной к просоленному борту скрипучего баркаса, старик Фриман баюкает мое кудное тело на коленях, горячими губами целует макушку, а я во все глаза смотрю по сторонам – море!

Жадно глотаю соленый ветер, крики чаек – как музыка, нет, еще упоительнее! Капитан окунает руку в сияющую на солнце воду, дает мне облизать палец:

– Море? – и смеется громко.

– Море! – кричу я в ответ.

Внутри, глубоко под толщей боли, дрожит робкое пламя моей неугасимой свечечки...

Кормилица

Яна Денисова
@lovelytoys_viktoria

– Это... девочка, сир, – повитуха закутала кряхтящего ребенка в алую бархатную полотнищу и с поклоном передала князю маленький сверточек.

Князь погладил темные волосики дочери, тронул легонько розовую щечку и скупно, по-мужски, не стесняясь многочисленной челяди, зарыдал.

– Дайте, дайте мне мое дитя, – прошелестела измученная тяжелыми родами молодая княгиня, ее тонкие руки веточками тянулись из-под тяжелых звериных шкур, запачканных родильной кровью. Князь вернул ребенка повитухе и стремительно вышел из душных покоев.

– Кормилице дитя предназначено, – тихо шептались служанки, пока родильница баюкала свою долгожданную крошку. – Как бы княгиня умом не повредила, столько мучилась и на тебе! Отдать дитяtko придется, уж таков закон, чтоб его...

Под страхом смертной казни никто не открыл юной матери страшной тайны, и весь положенный срок она птичкой порхала по замку: то велит шелком стены обить в покоях будущего наследника, то бархатные портьеры ей вдруг не по нраву – шейте новые, небесно-голубые! То в саду приказывает пальмы высадить, мол, из сказок нянькиных узнала о дивных деревьях и кровь из носу хочу такие же.

И смеется хрустальным колокольчиком, словно радости в ней, как в весенней реке воды – прибывает день ото дня и все вокруг заливаает.

Князь, глядя на ее безоблачное счастье, и сам светлел лицом, целовал нежные руки жены и на миг забывал о суровом обычае – отдавать княжеских младенцев-девочек страшной Кормилице, живущей в дремучем зачарованном лесу.

С потаенной надеждой ждал повелитель рождения наследника, Бога молил день и ночь, чтобы это был мальчик.

Не сбылись чаяния несчастного отца... Велел рано утром отнять новорожденную у матери и отнести ее в глухую чащобу, к древнему капищу, с которого и уносила Кормилица жертвенных младенцев.

Узнала княгиня о судьбе ребенка, раненой волчицей завывала, выскочила из покоев как была, простоволосая, босая, в тонкой батистовой сорочке, побежала, пятная ослепительно-белый снег темно-красной своею кровью. У самых ворот подстреленной лебедью свалилась на руки подоспевших служанок и впала в горячее забытье.

Без малого сорок дней прометалась княгинюшка в смертельной лихорадке, лучших лекарей выписал для нее светлейший князь, но выздоровления любимой супруги не дождался – отбыл в столицу по срочным делам.

– Люди сказывают, тысячу лет назад это было, – молвила старая Матильда, обтирая тело княгини влажной тряпицей. – Властвовал тогда князь Оддрик Жестокий. Страстно желал он иметь сына, достойного наследника своим владениям, но тщетно. Шесть его предыдущих жен девочек приносили, и князь в гневе убивал и мать, и дитя.

– Как же они не боялись замуж за него идти, нянюшка?

– Да кто же их спрашивал, милая? Женское дело – малое, детей рожать да помалкивать.

Седьмая княгиня, принцесса Арисса, тоже девочкой разродилась, да не стала печальной участи дожидаться – гордая была, бесстрашная, в крови ее огонь полыхал! Взяла серебряный кинжал и пронзила сердце своего жестокого мужа.

Стражники князя схватили непокорную, выволокли на крепостную площадь, люто изувечили, а младенца на глазах матери закололи острыми пиками.

Извиваясь в руках истязателей, прокляла Арисса весь род княжеский, предрекла страшные муки дочерям его и слова свои кровью запечатала – откусила себе язык и выплюнула под ноги палачам.

Выбросили тело ее в прозрачные воды горной речушки и под страхом повешения запретили упоминать имя вероломной убийцы.

– Нелюди, нелюди... – княгиня закрыла лицо руками, заплакала. Сердце рвалось, словно лопались тонкие шелковые нити – по потерянной дочери, по гордой Ариссе, по безвинно погибшим княжеским детям...

– Стала бродить неуспокоенная Арисса по княжьей вотчине, дитя свое искать. Как чуяла новорожденную, являлась в замок, всю челядь на куски разрывала и стены до самого потолка кровью мазала... а ребеночка с собой уносила.

Матильда вздохнула тяжело и закончила:

– Потом уж князя велели уносить дочерей прочь из дому, к руинам древнего капища...

– Как же проклятье снять, нянюшка?

– Невинной кровью проклято, невинной кровью и смыто будет. Только многие смельчаки искали Кормилицу, да даже следов ее не нашли. Сама приходит, когда надобность есть...

Задумалась крепко княгинюшка, а потом отослала няньку, облачилась в зеленое охотничье платье, достала из сундука кинжал серебряный, святой водой крапленый – верное средство против нечисти – и тихонько выскользнула из замка.

– Арисса, я пришла за своей дочерью! Прошу, верни мне мое дитя! Заклинаю тебя смертью невинных! – кричала княгиня, стоя на коленях среди заснеженных обломков стародревнего жертвенника. Ответом ей были тревожные вскрики невидимых глаз птиц да свист холодного ветра в промозглom сером небе.

– Неужто смерть твоей дочери не искуплена кровью безвинных младенцев? Неужели не осталось в твоём измученном сердце ни капли любви материнской? Или не было ее там вовсе? – взывала женщина к звенящей пустоте, платье ее насквозь промокло, от холода окаменело все тело, лишь сердце, полное любви и скорби, горячо колотилось, молотом громяхая в ледяной тишине.

И вдруг увидела: меж деревьев в сером сумраке красное промелькнуло. Словно на зов бросилась княгиня, выскочила на прогалину и крик ужаса застыл на трясущихся губах.

На снегу сидела голая костлявая старуха, седые спутанные лохмы закрывали морщинистое лицо, меж сохлых губ копошился беззвучно огрызок языка, словно она шептала что-то младенцу, лежащему на ее обрубленных коленях. Длинная, иссохшая грудь сочилась розоватым молоком. Старуха сунула сморщенный сосок ребенку, закутанному в грязную бархатную полотницу, а сама с чавканьем принялась грызть собственную культю.

– Арисса, – заговорила несчастная мать, не сводя глаз со своего дитятки, – верни мне ребенка, умоляю тебя! Неужто не достало тебе крови и страданий людских? Пора упокоить твою душу...

Озлилась вдруг Кормилица, рыкнула, бросила ребенка в снег, схватила княгиню за горло, пачкая ее стылой кровью, и замычала что-то, не разобрать.

– Невинной кровью смываю твое проклятие, Арисса, – прохрипела женщина и вонзила серебряный кинжал себе в грудь. Плеснуло алым, отпрянула Кормилица от улыбающейся княгини, да поздно было – прожгли насквозь ее плоть капельки невинной крови. Нечеловеческим голосом заверещала нечистая, закружилась веретеном, сбивая снег в грязные комочки,

и рухнула наземь. Тело ее в мгновение ока иссохло, кожа истлела, обнажила желтоватые кости, космы седые разметал по голым кустам северный ветер...

Княгиня крепко прижала к себе найденное дитя и побрела в замок, моля господу вездесущего не дать ей умереть в заснеженной чаше и не замечая, как горят красным глазки улыбающегося младенца.

Через много лет юная Эльжбета выйдет замуж и станет полноправной хозяйкой замка Чахтице.

Проклятие, переданное с кровавым молоком зловещей Кормилицы, сделает ее самой жестокой истребительницей молодых женщин в истории...

Похищенное время

Яна Денисова
@lovelytoys_viktoria

– Доброе утро, Мойра! А я к тебе с радостью! Внук у нас вчера родился, такой крепкий парень, ууух! Вот, новые часы в твою коллекцию! – сияя ярче утреннего солнца, мистер Бергер протянул девушке бронзовые ходики, украшенные пухлым смеющимся ангелочком.

– Очень красивые, – улыбнулась Мойра. – Поставлю их на каминную полку рядом с вашими. Поздравляю, мистер Бергер!

Девушка вернулась в ратушу, погладила ангелочка по бронзовым кудряшкам и завела механизм. Часы тотчас ожили: ангелок расправил крылышки, стрелки дрогнули и чуть сдвинулись, а циферблат осветился мягким желтым светом.

– Вот и славно! – Мойра аккуратно поставила ходики на широкую каминную полку, едва найдя для них свободное местечко. – А теперь за работу!

Ах, как же любила хранительница эти чудесные утренние минуты! Юркие солнечные зайчики заглядывали в башню через длинные стрельчатые окна, окунались в витражи и раскрашивались в зеленые, красные, синие оттенки. Прыгали по бесчисленным стрелкам и маятникам сотен часов, и их корпуса вспыхивали на миг, являя восхищенному взору невероятное многообразие форм и размеров.

Вот – напольные часы из драгоценного красного дерева, солидный крупный циферблат, круглый маятник червонного золота – точь-в-точь важный осанистый мэр, мгновения жизни которого они отсчитывали.

А вот – карманные часы с чуть треснувшим стеклом. Круглый латунный корпус в царапинах и вмятинках, стрелки немного погнуты, но исправно отмеряют секунды – их хозяин отважный путешественник и рьяный рубака.

Эти песочные часы с изящной стеклянной фигуркой принадлежат красавице актрисе. Изысканные, хрупкие... как и ее слава.

Тысячи часов, тысячи жизней, тысячи сердец бьются в унисон с четким ритмом неумолимого времени...

Мойра ловко смахивала пыль, заводила механизмы и переворачивала стеклянные сосуды, как вдруг заметила погасший циферблат. Стрелки наручных часов замерли на половине третьего, латунный корпус потускнел, кожаный футляр съежился, словно сухой дубовый лист. Часы доктора Леонарда...

Вот и вышло его время, закончилась еще одна человеческая жизнь.

Нужно отнести часы в погребальное бюро, там молчаливый мистер Барилус наденет их на холодную руку покойного, и часы вместе со своим хозяином завершат земной путь.

Печальные думы прервал настойчивый стук в дверь.

– Мы повздорили из-за пустяка. Я разозлилась, сказала, что видеть его не хочу. И Леонард ушел спать в гостиную. А ночью он... – женщина расплакалась.

– Фрау Леонард, доктора уже не вернуть, его часы остановились. Он скончается в ту же роковую минуту и...

– Мойра, я только скажу мужу, что люблю его так же сильно, как в день нашей свадьбы! Это все, о чем я прошу!

– Мне придется взять время от вашей жизни, вы готовы?

– Да, Мойра, да! Иначе как мне жить с камнем на сердце?

Сразу после похорон явилась Марта. Назойливая торговка едва не каждый день стучалась в дверь Часовой башни и умоляла спасти ее ненаглядного сыночка.

– Любезная моя, драгоценная Мойра, ниц паду перед тобою, землю буду под ногами твоими целовать, только заклинаю всем временем мира, спаси кровинушку мою! – привычно зачестила толстуха и попыталась встать перед девушкой на колени.

– Ты же знаешь, Марта, не в моей власти без конца время вспять поворачивать.

– Не в твоей власти, говоришь? Дарвену время повернула, чтоб он пальцы себе не покалечил, Агнетте помогла, чтоб эту святошу черти забрали... Доктор помер, ты и его на час вернула! Чтоб с женушкой попрощался! А мальчика моего спасти не хочешь, а ведь ему еще жить и жить. Ведьма ты бессердечная! – зло выкрикнула женщина, вмиг растеряв всю свою учтивость.

– Дарвен искусный кузнец и нужен городу. Агнетта детей грамоте и благочестию учит, ее душа чище твоих слез. А доктор Леонард сотни жизней спас! И я всего лишь помогла ему умереть с любовью в сердце. А сын твой – вор и разбойник, руки ему не зря отрубили! У него был шанс все изменить, но он выбрал дурной путь, и больше время ради него я просить не буду!

Побледнела торговка, отшатнулась было, а потом с силой ударила Мойру по лицу. От звонкой пощечины загорелся на щеке яркий след, из рассеченной губы кровь потекла. Безудержная ярость овладела девушкой, молнией она взлетела по ступенькам, сорвала со стены часы Марты – округлые стрелки на простой деревянной плашке – и с размаху разбила их о каменный пол.

Никто из горожан не посмел уличить Мойру в убийстве – за заносчивый и грубый нрав Марту в городе не очень-то жаловали. Девушка отнесла мистеру Барилусу расколотые часы, мол, неловко сняла да уронила, и заперлась в своей башне.

Торговку молча схоронили и разошлись по своим делам, а Мойра металась по ратуше, едва сдерживая бурлящее внутри отнятое у Марты время. Чужая жизнь молотом колотилась в груди, сладостное томление узлы свивало внизу живота, а за спиной будто крылья трепетали – вот-вот взлетит!

И не разобрать уже было – то ли мучительное раскаяние терзает душу, то ли острое желание еще испить украденного времени.

Поддалась Мойра преступному влечению и стала красть время, упиваясь его восхитительным вкусом. Смерть все чаще посещала городские улицы, увозя с собой и стариков, и малых детей. Страх поселился во дворах и закоулках, паника овладевала умами горожан, когда в очередной раз скорбно звонил зауспокойный колокол. К приезжим теперь относились с опаской, обыскивали их у главных ворот – а ну как отраву везет или болен чем? Иных и вовсе прогоняли.

Мойра смиренно горевала вместе со всеми, навзрыд плакала над крохотными детскими гробиками, относя в похоронное бюро милые часики, остановленные собственной коварной рукою, а после, скрывшись в неприступной своей башне, блаженствовала в сладких потоках ворованных жизней.

А потом в город пришла чума...

Всего за несколько дней в башне Мойры остановилась добрая половина часов.

Люди умирали прямо на улицах, хоронить их не успевали. В раздутых почерневших телах копошились жирные крысы, в воздухе висел отвратительный запах гниющей плоти. Крики и стенания умирающих складывались в бесконечную заунывную песнь.

В колокол уже никто не звонил, и несчастные горожане угасали под хриплое карканье ворон. Девушка стояла на пороге ратуши и с ужасом смотрела, как бесстыдно смерть собирает чудовищный урожай.

По дороге едва плелась согбенная старуха, держа в дрожащих руках ведро с водой. Вдруг она оступилась, упала, попыталась встать и не смогла. Деревянная бадейка разлила по грязной мостовой прозрачные ручейки.

– Фрау Леонард! Маргарет! – Мойра узнала женщину, подбежала к ней, взяла за руку.

– Мойра, – слова давались Маргарет с трудом. – Воду детям не донесла... сил нет... умираю...

– Фрау Леонард...

– ...спасибо тебе, Мойра... я умираю с чистым сердцем... благодаря тебе, – больная закрыла глаза, затихла, рука ее с сухим стуком упала на тротуар.

Протестующий крик разорвал грудь Мойры, из хрупкого тела плеснуло горьким, склизким, горячим.

Прости меня, Маргарет, прости меня, Марта, все... все простите...

И побежала в башню, на самый верх, к городским часам. Вцепилась в неподатливые стрелки горячими руками, вращайтесь, назад, еще, еще! Еще круг, еще, не останавливайся... Мойра пачкала циферблат окровавленными руками и ощущала, как время тугими струями покидает ее тело.

– Доброе утро, госпожа Мойра! А я к вам с радостью великой! Внук у нас вчера родился, такой крепкий парень, ууух! Вот, новые часы в вашу коллекцию! – сияя ярче утреннего солнца, мистер Бергер протянул старушке-хранительнице настольные бронзовые ходики, украшенные пухлым смеющимся ангелочком.

Состояние души

Александра Диордица
@alneru

Санька жил с дедом в стареньком, пропахшем смолой и скошенными травами деревянном доме. Так вышло, что мама мальчика умерла, а отца он и вовсе не знал. Дед забрал внука, когда тому исполнилось шесть, и, несмотря на собственный преклонный возраст, старик как мог, воспитывал и тянул ребёнка.

Денег не хватало, но Санька не обращал внимания на откровенную нищету, отсутствие мяса каждый день и старые заштопанные вещи, которые ему приходилось носить. Дед давал ему гораздо больше, он развивал его душу, вкладывая туда всю мудрость, все знания, которые смог накопить за свою продолжительную жизнь.

Сейчас, в свои двенадцать, Санька был крепким, загорелым мальчишкой с копной непослушных каштановых волос и большими голубыми глазами. Санька был счастлив. Единственное, что омрачало жизнь мальчика – это школа.

Нищета Саньки, его убогая одежда и отсутствие родителей расставили приоритеты не в его пользу. Андрей Кобылкин, главный заводила класса, сын богатых, по меркам округа, родителей, не принял Саньку с первой встречи.

Клей в портфель, жвачка на стул, обидные стишки с Санькой в главной роли в туалете, затем гадости и слухи, с упоением распространяемые среди девочек – вот далеко не полный список пакостей, которые выпадали на долю мальчика.

Саньке нравилась девочка, тонкокожая, почти прозрачная Маруся из параллельного класса. Мальчишка как мог ухаживал за ней. Носил портфель, дарил полевые ромашки, вырезал на труде из дерева сердечки. Девочка смотрела благосклонно, до дома провожать позволяла, да и от подарков не отказывалась.

Кобылкин с ухмылкой следил за развивающимся романом. Его бездействие стало понятно на школьной дискотеке. Диджей, хороший друг Кобылкина, взял микрофон и объявил следующую композицию:

– А эта песня посвящается девушке бомжа и нищоброта – Соколовой Маше!

Кровь прилила к лицу Саньки, сжав челюсти, он искал глазами Андрея. Но того нигде не было. Боковым зрением мальчик видел, как Маруся, расплакавшись в окружении стаи подружек, выбежала с дискотеки.

В тот вечер Санька пришёл домой в слезах. Он почти никогда не плакал, и ощущение мокрых щёк и пелены перед глазами скорее удивляло и злило его.

– Почему дед! Ну почему все так?! – стукнув кулаком по дверному косяку, Санька посмотрел на деда.

Николай Фёдорович тяжело вздохнул.

– – Рассказывай, – сказал он, развернулся и, шаркая тапочками, пошёл делать чай.

Санька с дедом просидели за столом до утра. Крепкий чай со смородиновым листом успокаивал, давал ощущение ушедшей было надежды.

– Ну что во мне не так, дед? Почему всё решают деньги, деньги, деньги? Будь они прокляты эти вонючие бумажки! – Санька захлебывался эмоциями. – Всё из-за них! Все! И мама из-за них умерла, если бы были лекарства, врачи...

– Ты вот что, внук, – дед строго посмотрел на мальчика. – Ты мне эти нюни брось! Деньги... Решают деньги, да не всегда. По-разному бывает. А бедность, знаешь ли, не порок...

– А что? – Санька утёр нос кулаком и всхлипнул, – что тогда бедность?

– Бедность – это большое несчастье, – тихо ответил Николай Фёдорович. – А ещё бедность измеряется не только деньгами.

– А чем?

– Состоянием души. Ты беден деньгами, но богат духовно. А одноклассник твой богат, но нищ, как церковная крыса.

– Я хочу, чтобы у меня тоже были деньги! – упрямо сказал мальчик.

– Ты знаешь, Александр, – дед откашлялся и серьезно взглянул на мальчика. – Как оно все там наверху задумано, нам неизвестно, но одно я могу тебе сказать точно.

Дед сделал паузу, Санька, затаив дыхание, смотрел на него.

– У каждого человека в жизни есть шанс. Шанс не быть бедным. Вопрос в том, воспользуется он им или нет.

– И у меня... будет шанс? – мальчик с надеждой посмотрел на старика.

– И у тебя, – кивнул дед.

– А у тебя был?

– Был... Да я не понял сразу, как этим шансом правильно распорядиться.

– А как надо, дед?

– Знаешь, почему бедность – это несчастье? – вопросом на вопрос ответил Николай Фёдорович.

Санька помотал головой, встал и поставил чайник на плиту. В окне занималась заря, красиво... Санька обдумывал вопрос деда.

– Так почему, дед? – мальчик обернулся, старик сидел, прислонив голову к холодильнику, глаза были закрыты.

До больницы Николая Фёдоровича не довезли. Когда хоронили, соседка сказала, что он помереть-то лет десять назад должен был, ему под девяносто уже было, а вот ведь, Саньку взял да ожил, отмерил ему Бог годков ещё.

Стоя на кладбище, Санька чувствовал, что каждый вдох даётся с трудом. Кажется, сейчас он провожал не только любимого деда, но и давно ушедшую маму. Как будто с него сонного ранним зимним утром сняли, нет, резко сорвали, тёплое ватное одеяло, и холод обволакивает его всего – с головы до ног.

Сердце Саньки замерзло от одиночества и страха, но рассчитывать теперь он мог только на себя. Он часто вспоминал их последний ночной разговор. И пусть понял не всё, из того что хотел донести ему дед, но знал, что обязательно разберётся и найдёт ответ на последний, самый важный вопрос, на который не успел ответить Николай Фёдорович.

25 лет спустя.

– Александр Павлович, вас сегодня уже не будет?

Секретарь Нина, строгая и собранная брюнетка в круглых очках, внимательно смотрела на начальника.

– Да, Нина, на сегодня у меня совсем другие планы, – красивый, статный мужчина в дорогом кашемировом пальто стремительно вышел из офиса, сел в новенькую «Ауди» и уже через несколько часов был на кладбище.

– Ну здравствуй, дед, – поздоровался Александр Павлович и рукавом пальто протер фотографию на памятнике. Дед смотрел с неё строго и весело, как Санька любил.

– А я, дед, в люди выбился, прости, что долго не приезжал. Но я не забыл, ты не думай, – мужчина улыбнулся и достал из кармана пачку сигарет, повертел в руках, убрал обратно. – Все у меня хорошо, теперь я всего добился, сын растёт, жена умница. Тебя только не хватает.

Он просидел на кладбище до сумерек, слово за слово выложив деду все, что происходило с ним последние несколько лет.

Николай Фёдорович с портрета одобрительно кивал, или Саньке так казалось. Это было не важно. Важно то, что теперь Санька все понял. И наконец-то нашёл ответ на самый главный вопрос, на который дед так и не успел ответить.

Старая деревня, в которой Санька, а теперь уже Александр Павлович, провёл самые важные свои годы, почти не изменилась. Разве что стала ещё запущеннее, больше покосившихся заборов и прохудившихся крыш.

Проехав по знакомым улочкам, Александр Павлович остановился у центрального магазинчика, захотелось зайти... У входа в магазин нищий просил милостыню. Не задумываясь, Санька запустил руку в карман и вынул тысячную купюру.

– Держи друг, – сказал он, протягивая банкноту. Нищий, не ожидав столь щедрой подачки, поднял голову, и Санька вздрогнул.

На него смотрел Андрюха Кобылкин. Нищий не узнал в дорогом одетом мужчине бывшего одноклассника, мелко закивав, принялся благодарить за щедрость.

Александр Павлович на секунду задумался, а потом произнёс:

– Работа нужна?

Кобылкин молча приоткрыл полы выдавшего вида плаща. Вместо одной ноги у него был протез.

Вздрогнув, Санька сказал:

– Ничего, я помню ты неплохо рисовал в школе, а мне как раз нужен художник, в моем детском доме стены разрисовать, а ногу мы тебе подправим...

Тень узнавания сменилась невероятным удивлением, а затем благодарностью. Слезы, выступившие на глазах бывшего мучителя, а ныне несчастного калеки, стали Александру Павловичу лучшим ответом.

– Папа-а-а! Наконец-то ты приехал, я прошёл второй уровень, Динка научилась приносить палку, а в классе у нас объявили бойкот Витьке!

Александр Павлович улыбнулся, обнимая десятилетнего сына и целуя его в макушку.

– Так, Николай, про бойкот поподробнее, за что объявили?

– Как за что? За то, что он самый бедный, у него даже айфона нету!

– Интересно, – мужчина нахмурился. – И ты тоже объявил?

– Я? Отец, я же твой сын и внук нашего деда!

– И что же ты сделал? – Александр Павлович смотрел с нескрываемым интересом.

– Я сделал его своим лучшим другом! Пусть теперь только попробуют его обидеть!

– Правильно, сын, – мужчина улыбнулся, – потому что бедность не порок...

– А настоящее несчастье! – закончил сын, убегая играть с собакой. – Я я помню, пап!

Мужчина посмотрел вслед радостному сыну и задумчиво произнёс:

– И я помню дед... И я понял. Быть бедным – это несчастье потому, что ты не можешь отдавать, а вынужден только брать, опустошая свою душу. Ведь ты именно это хотел сказать тогда. И я сделал все для того, чтобы я и моя семья были по-настоящему счастливы.

Хранитель

Александра Диордица
@alneru

Меня зовут Хромм. Я – хранитель. Когда-то давным-давно на небесах меня назначили на эту должность. Так себе, я вам скажу, работенка. Каждый день ко мне приходят гости, которые остаются навсегда. Я называю их Неудобными. Прежде чем расположиться, они обязательно рассказывают. Я их понимаю, надо выговориться.

Здесь у меня пустовато. Ни времени, ни пространства. Лишь одно бесконечное «сейчас». Вот и новенькие пожаловали. Их снова много. Ну что ж, давайте поговорим. Вот ты... не стесняйся, проходи.

– Шестая, не нашлось места. Маленькая квартира, безработица.

– Вижу, вижу... – я хмыкнул. – А пятерым, значит, нашлось? А ведь ты бы могла изобрести лекарство от рака. И вылечить миллионы людей. Ну что ж, я здесь не сужу, только выслушиваю. Располагайся.

Серебряной тенью новенькая скользнула в туман. У Неудобных есть аура. И это все, что у них есть. Так я их и отличаю. Я внимательно посмотрел на голубоватый комочек.

– Синдром. Испугались, – голубой комочек стал темнее, должно быть, это означало грусть.

– Ну, не стоит, не стоит... – я сочувственно помолчал. – А забавно. Всего лишь перепутали анализы. И такой финал. А за тобой ведь брат должен был идти и сестра. Не будет теперь. Наказаны.

Сиреневый сгусток подлетел совсем близко.

– Вижу, вижу... – я осторожно погладил туманную дымку. – Отцу сын нужен. Да ты проходи, не стесняйся, вон сестрички три твои уже тут. Освоились. А у матери твоей попыток больше не будет. Рак будет. А попыток – нет.

Сколько же их ещё... Я взгляделся в ряды разноцветных дымок.

– А ты... Ты мог бы стать прекрасным хирургом и прооперировать мать, подарив ей ещё семь лет жизни. Ну что ты, что ты... – я заметил, как зеленоватое облачко потемнело и задрожало. – Всё вижу, всё. Студентка, парень в коммуналке с родителями. Шестнадцать лет, куда им...

Я до сих пор удивлялся. Они прощали. Они понимали и пытались оправдать. Они условно любили, даже сейчас. Когда коридор на землю так и не открылся, а возврат на небо закрыт навсегда. Их обрекли на выжженную бесконечность, без завтра и без вчера. А они прощали. И заступались, темнея и дрожа.

– Обо мне не знали... – облачко потемнело. Я дунул на коричневый сгусток, желая пощекотать. Они не знают, что такое смех, но дуновение доставляет им удовольствие.

– Не знали... Количество алкоголя в организме твоей матери вытравило тебя без остатка. Не оставив ни одного шанса, – я помолчал. Так ещё обиднее, когда лишний бокал вина обошёлся так дорого.

Посмотрел вдаль. Трудная у меня работенка. Болезненная.

– А ты? Чего жмётся в сторонке, подходи, подходи. Так-так... – я посмотрел пристально. Синее облачко уменьшилось в размерах. Нежная девочка бы выросла, ласковая. Надежда одинокой матери. Может быть, мать и не спилась бы тогда, закончив свои дни на Кур-

ском вокзале после того, как ее изнасиловали четыре бомжа одновременно. – Ну не дрожи, не дрожи. Ясно же все. В возрасте, без мужа, от кого понесла – не знает. Побоялась. А жить дальше – не побоялась...

Я потёр усталые глаза. Иногда хотелось их выколоть. И сердце вырвать. Чтоб не видеть и не чувствовать. Иногда хотелось спуститься в мир, взять за шкуру этих людишек и кричать, кричать, пока они не услышат.

Я сверился со списком на сегодня. Не вижу двух. Юленька и Варенька. Так их могли бы назвать. Куда ж подевались? Я оглядел толпу. Нет, точно нет.

А история там интересная. Иногда, когда мне становится совсем невыносимо, я открываю Книги Судеб. Читаю и молюсь, чтобы кто-то до меня не дошёл. Я – хозяин горизонта событий, который больше всего хочет, чтобы гости до него не дошли.

Юленька должна появиться у студентки. У студентки с диагнозом ВИЧ. Дочь родится здоровой. Но врачи убеждают в обратном. Неужели передумала? Да нет, вряд ли... Мать там костями ляжет, но дочери шанса не даст.

А Варенька – последыш. Второй за сестрой идёт. Да только УЗИ этого не показало. Сюрприз. Вдалеке послышался гомон. Разволновались Неугодные мои. Пойду посмотрю.

О! А вот и Варенька. Я утёр выступившие против воли слезы. Сколько работаю тут, никак не привыкну.

– Ну здравствуй, дорогая моя, здравствуй... – желтое облачко увеличилось и посветлело. Должно быть, это означает радость. Я присмотрелся. И расплылся в улыбке. На сердце потеплело:

– погоди, счастье мое, погоди, не торопись. Не сюда тебе! Не сюда! – я готов был плясать от радости. – Родили тебя! Родили! Но Бог прибрал, больной бы была. А так – нет, всё почестному. В рай тебе, душечка, в рай! Идём, я провожу.

– Тужься! Тужься! Ещё, девочка, ещё... Вот умница! – акушерка утёрла пот со лба, держа на руках розовощекий комочек. Комочек тут же закричал, оповещая всех о своём появлении. – погоди, лапонька! А это что?

Отдав малыша педиатрам, акушерка всплеснула руками:

– Второй! Идёт! Тужься, девочка! Давай, давай! Рано расслабляться...

Второй малыш появился на свет через две минуты после сестры. Мать устало откинулась на подушки. По щекам ее текли слезы! Смогла! Оставила! Мои... Теперь всё будет хорошо. Лицо акушерки потемнело:

– Реанимацию быстро! Закупорка легких. Не дышит!

Мать словно в тумане наблюдала за суетой. Кажется, она теряла сознание и снова приходила в себя. Все плыло.

– Мама! Мамочка!

Мать открыла глаза.

– Мамочка, спасибо, что ты такая смелая! Я – в рай! Я иду в рай! Я люблю тебя, дорогая моя мамочка! Я вернусь через три года! Жди меня! – мать снова провалилась в небытие.

– Пришла в себя! – акушерка протерла ей лоб. – Мы уж переволновались! Что ж вы, мамаша, у вас там дитё надрывается, кушать хочет! А вы тут в обмороки падаете!

– У меня... двое?

– Одна у вас... доча... – акушерка помрачнела. – Не спасли вторую... Закупорка лёгких, травмы... Инвалидом бы была, овощем, даже если б выжила...

Внесли дочку.

– Она придёт... – мать обняла девочку. Младенец жадно присосался к груди. – А мы с Юлей будем ждать нашу Вареньку... Через три года.

Я – Хромм. Хранитель и коллекционер детских душ. Ненужных душ. Для которых нет пути ни вперёд, ни назад. Я – хозяин горизонта событий, и каждый день я радуюсь, когда гости ко мне не приходят.

Грета

Александра Диордица
@alneru

Меня зовут Джессика Боккл, я работаю в хосписе для умирающих стариков.

Хоспис стоит в лесу, в отдалённом светлом месте. Высокие ели и сосны прячут его от посторонних глаз. Хотя и глаз-то этих посторонних – раз, два и обчёлся. Мало охотников смотреть, как люди готовятся к переходу в тот мир.

История, которую я хочу рассказать, все изменила. Случилось это ранним осенним утром. К дверям хосписа подъехала чёрная блестящая машина.

Если бы вы видели, как она выходила. Как королева. Светлые лакированные туфли на небольшом каблучке, брючный костюм персикового цвета. Безупречная причёска. Ухоженные руки, на пальцах – обручальное кольцо и перстень. На вид ей было не больше пятидесяти, на самом деле семьдесят пять.

Всю жизнь Грета Вудкис была моделью. Сначала снималась для глянцевого журналов, обладая потрясающей внешностью, которая прослеживалась даже сейчас, через маску времени и морщин, и тонкой фигурой – она была востребована во всех ведущих глянцевого изданиях.

Позже, когда она постарела, ее стали приглашать как амбассадора в мире моды и красоты. Реклама часов, элитной мебели и дорогих аксессуаров – через все это прозрачной нитью сквозило имя Греты Вудкис.

Я подружилась с ней. Раньше я всегда очень холодно относилась к нашим гостям. И, как правило, гостили они недолго, уходя на тот свет не прощаясь. Старость беспощадна. Она забирает людей тихо и внезапно. Я закрывалась от их уходов, слишком тяжело.

Но с Гретой все вышло иначе. С первого дня ее аура, утонченность и величие тянули меня к ней. Я проводила у неё почти все своё свободное время, больше и больше погружаясь в трагедию одной человеческой жизни

С самого рождения красивая девочка Грета мечтала стать моделью. Проведя нелёгкий, полный, коварства, унижений и несправедливости путь, она стала ведущей моделью агентства с мировым именем.

Когда пришло время подумать о замужестве, она выбрала тихого скромного мужчину на пять лет старше себя. Поль был французом, воспитанным, интеллигентным искусствоведом. По меркам Греты, ничего не добившимся в жизни слабаком. Зато он не мешал ей строить карьеру. Смотрел на жену восхищенно, будто не веря, что такая женщина обратила на него внимание. Ловил каждое слово, одобрял любой ее выбор. Оправдывал каждый поступок.

– О, конечно, у меня были любовники, – вспоминала Грета, когда мы сидели с ней на лавочке в парке.

– Первые люди города, известные артисты, музыканты. Они задаривали меня украшениями и заваливали цветами. И все это я с гордым видом несла домой. Поль ни разу не спросил – откуда. Улыбался своей грустной мудрой улыбкой и покорно ставил цветы в вазу.

Когда я забеременела Луизой, я хотела прервать беременность. И только тут Поль, пожалуй, впервые за время нашего брака проявил твердость. Обещал, что с малышкой не будет хлопот, он возьмёт всё на себя, уйдёт с работы, а я после родов смогу продолжить карьеру.

Луиза родилась слабенькой, всю беременность я держал строгую диету. Очень боялась за фигуру. Пила синтетические витамины и, конечно, это отразилось на ребёнке. Но Поль ее

выходил, сидел у кровати с орущей Луизой день и ночь, читал сказки, пел колыбельные. Через месяц после родов я уехала на съемки.

Когда родилась Вивьен, я оставила новорожденную малышку няне, которую к тому времени нашёл Поль, и улетела на три месяца в Китай. Был очень выгодный контракт. Первое слово Вивьен было «папа». Мамой она называла няню. Зато моя карьера шла в гору.

Когда девочки подросли, я настояла на том, чтобы отправить их в Лондон в закрытую частную школу. Им тогда было семь и девять лет. Домой они приезжали только на каникулы, да и то график моих съёмок был настолько плотен, что я могла улететь в день их приезда и вернуться только тогда, когда они уже уезжали обратно в школу.

Грета закуривает сигарету, длинную, коричневого цвета, и по парку плывёт запах ментола и табака. Нашим гостям нельзя курить, но для Греты хозяин хосписа сделал исключение. Ей невозможно отказать.

– Когда девочки закончили школу, у нас дома оказались две взрослые женщины со своими взглядами на жизнь и опытом, приобретённым где угодно, только не дома. Мне было тяжело с ними. Они были мне чужими. Ничего не взяли от меня.

Внешностью дочери пошли в отца, заурядные серые мышки. Амбиций и стремлений никаких. Луиза поступила на филолога, Вивьен на учителя. Скучно. Я бывала дома всё реже и реже, упиваясь своей славой, известностью и любовью поклонников. Однажды прилетев из турне на сутки раньше, я застала Поля в постели с женщиной.

Я испытала чувство облегчения и брезгливости одновременно. Тихий, покладистый Поль тяготил меня. Немым упреком вставая между мной и моей карьерой. Он изменил мне с соседкой, Мари Рене – одинокой старой девой. Все, что её интересовало – это цветущий в палисаднике розарий и, как выяснилось, мой муж.

Я с легкостью отпустила Поля жить к ней, со временем мы даже стали приятельствовать. Я не испытывала ревности, возможно, потому что никогда не чувствовала к Полю любви.

Дочери вышли замуж, родили Николая и Анатоля, я увидела внуков впервые, когда мальчишкам было четыре и пять лет. Старший Николай, мне понравился. Чувствовалась наша порода. Гордый, независимый, настоящий боец. Кстати, это он привёз меня сюда.

Анатоль пошёл в мать и деда. Такой же безвольный и слабохарактерный. Ни с ним, ни с дочерьми я практически не общалась, в очередной раз окунувшись в роман с известным владельцем журнала. Мы завтракали в Ницце, а ужинали в Италии, внося в жизнь друг друга вечный праздник страстных ночей, шампанского и самолюбования.

Тем не менее, с годами мне стало требоваться нечто большее, чем моя карьера и сменяющиеся любовники. Я пригласила Николая побыть у меня на каникулах, в съемках был перерыв, я отходила от очередной пластической операции и рада была увидеть внука.

Звать себя бабушкой я ему категорически запретила. Он звал меня Душечка или Грета. Мы прекрасно провели время, я удивилась, насколько он начитанный и образованный. Какие у него приятные манеры. А внешность! Я решила, что ему самое место на обложке модного журнала.

Связавшись со своим агентом, я устроила для Николая первую фотосессию. Мальчик произвёл фурор, его захотели именитые журналы и подиумы, мне же оставалось лишь сдержанно улыбаться, не скрывая гордость за внука.

Когда Николай исполнилось девятнадцать и его карьера фотомодели была на пике славы, ко мне в дом неожиданно приехала Вивьен. Я давно не видела дочь, её жизнь мало интересовала меня, но вернувшись со съёмок и встретив её, поджидающую меня на пороге, я даже обрадовалась. Пусть посмотрит, какая у неё мать. Вивьен смотрела на меня с нескрываемой яростью.

– Во что ты его втянула? Такой жизни ты хотела для моего сына? Кто просил тебя вмешаться! Ненавижу тебя! – дочь размазывая по лицу злые слёзы, упрекая меня во всем. Оказалось, что Николая – альфонс, живет за счёт богатых дамочек да к тому же, подсел на наркотики.

Тогда мне стало понятно его постоянное внимание ко мне, звонки и неожиданные приезды в гости. В конце встреч он всегда просил подкинуть денег. Поводы были очень веские. Учеба, новое портфолио или подарок возлюбленной. Денег я не жалела, благо у меня их было в избытке.

Окинув взглядом младшую дочь с чёрными подтёками под глазами, я брезгливо сказала:

– Какой тушью ты пользуешься? Судя по всему, она полное дерьмо.

Вивьен осеклась и секунду молча смотрела на меня. Потом прошипела:

– Ты чудовище, ненавижу тебя.

Дочь быстрым шагом направилась в сторону соседского особняка, к отцу. Тем лучше. Я плохо подхожу на роль жилетки для соплей.

Было ли мне жалко Николая? Скорее всего, нет. Каждый сам выбирает, как испоганить свою жизнь, кто я такая, чтобы запрещать взрослому мальчику жить так, как он хочет.

Я слушала Грету и поражалась. В её словах не было ни капли сожаления, лишь сухая констатация факта с оттенком лёгкой неуловимой горечи.

Грета, вернувшись с обеда, уютно устроилась на балконе с неизменной длинной сигаретой во рту. Налив себе бокал белого игристого вина, она улыбнулась мне и продолжила:

– Я узнала, что больна, год назад. Врачи давали пару месяцев, от силы полгода. Прошло уже в два раза больше, но кто-то там наверху не прибирает меня. Видимо, и ему я не нужна.

Тогда, сидя в кабинете доктора и слушая, как он объясняет мне неминуемость моей смерти, я впервые испугалась. И задумалась. Никогда жизнь не любишь так сильно, как тогда, когда тебя её лишают. Или включают таймер.

Почему мы не замечаем, как пахнет утро, когда их в нашей жизни неслыханное количество? Я осознала, что в лучшем случае проснусь ещё сто шестьдесят два раза. И задохнулась. От мысли о том, как я провела свою жизнь.

Мы не верим, что она закончится. Лишь дети, будучи смелее взрослых, активно интересуются смертью, первые лет семь. А потом понимают, что во взрослом мире об этом говорить не принято. И начинают играть по нашим правилам. Мы живем так, будто мы бессмертны. Будто все ещё можно переписать набело.

А потом мы умираем. И оказывается, что даже не начинали жить. Я приехала сюда, потому что в моей жизни никого не осталось. Единственный человек, который все ещё любит меня – я сама. Я оставила все, что у меня было, дочерям и Полю, хотя никакие деньги в мире не искупят мою вину за то, что я лишила дочерей матери, а мужа – жены.

Я приехала сюда, потому что как человек я давно умерла, а возможно, даже и не рождалась. Я жила всю жизнь только для себя, и на пороге смерти рядом со мной пустота. Я словно однолетний цветок, который умрет после цветения, не оставив после себя ничего, что могло бы помочь вспомнить о нем.

Она не плакала, эта потрясающая женщина. Она била себя своим же кнутом, молча терпя боль, которую заслужила. Я вышла из комнаты, когда сумерки опустились на верхушки елей.

Всю ночь я плакала. Мне искренне было жаль Грету, я оплакивала ее жизнь и задумывалась о том, как мало времени нам даётся. Кто-то может просто не успеть разобраться, не научиться играть по правилам.

Грета умерла утром. С макияжем и безупречной причёской, она так и сидела в плетёном кресле на балконе своей комнаты. На столике стоял бокал недопитого игристого вина и истлевшая в пепельнице сигарета.

Забирать ее тело никто не стал. Родственники просто не отреагировали на сообщение о ее смерти. Звезда подиумов и журналов, успешная и красивая женщина, была похоронена за счёт хосписа, в котором провела последние недели своей жизни.

На кладбище было пусто. Лишь одинокий поседевший старик стоял над надгробием. С фотографии на него смотрела молодая красивая женщина. Женщина, которая вывернула наизнанку его душу, выжгла все живое, что было в нем. Когда-то он не верил, что такая женщина может принадлежать ему. Она и не принадлежала.

Всю жизнь она принадлежала лишь самой себе.

Святой Лаврентий

Вероника Виера
@vieraveronika

Дождь лил целую неделю. Ещё пару таких пустых дней, и Джеймсу самому придётся пускать слезу перед очередным кредитором, чтобы хоть как-то покрыть расходы за рекламную акцию. Да и Маргарет, будь она проклята, не слезет, пока не выжмет из него всё, что назначено судом.

Святой Лаврентий на стене, в честь которого названо страховое агентство, виновато смотрел в пол. «Нужно переставить урну поближе», – подумал Джеймс, промахнувшись скомканной газетой.

Новость-сенсация, пестрящая на первой полосе о том, что его агентство гарантирует выплаты пострадавшим от похищения инопланетянами, по мнению Джеймса, должна была выстроиться очередь до самого Орландо. По его подсчётам, каждый третий американец твердит о контакте с внеземной цивилизацией.

Джеймс досадно вздохнул, убрал ноги со стола и с надеждой посмотрел на покровителя, который с сочувствием смотрел в пол. Он подошёл к двери и поднял газетный шар, а затем подвинул ногой урну ближе к столу. Неожиданно дверь кабинета открылась, со всей дури ударив Джеймса по хребту.

– Святой Лаврентий! – воскликнул Джеймс, скрючившись от боли.

Он оглянулся посмотреть на того, кто посмел его ударить.

Долговязый Сид на козых ножках, мокрый с головы до ног, стоял в дверях с не менее мокрой коробкой пиццы.

– Сид, мать твою! – воскликнул Джеймс. – Тебя стучаться не учили? – и поковылял к столу.

– Э... простите, мистер Флаерс! – махнув головой, он убрал мокрые патлы со лба. Капли дождя брызнули на лицо Святого Лаврентия и слезами стекли по щекам. – Ваша доставка!

Он подошёл к столу, споткнувшись об урну, и поставил мокрую коробку. Джеймс закатил глаза, поражаясь его неуклюжести:

– Поставь на место... Нет, ближе! И вали! – указал на полку с деньгами. – Урод! – Джеймс добавил еле слышно.

И тут его осенило!

– Подожди! – Джеймс остановил Сиды. – Закрой дверь и тащи сюда рахитные ноги!

Сид, закрывая дверь, сглотнул слюну и с мольбой посмотрел на Святого Лаврентия: «Это фиаско! – с досадой подумал Сид. – Заметил, говнюк, недостающий ломтик салами. Опять возврат будет!»

Он обернулся:

– Да, мистер Флаерс! – он грустно взглянул на Джеймса и заметил закрытую коробку.

Где-то в глубине его маленькой души, заточенной в тощее двухметровое тело, наступило облегчение. Будто он пописал в фонтан у всех на виду и остался никем не замечен.

– Дело есть! – Джеймс довольно улыбнулся и любезно предложил долговязому присесть.

– Рад, что вы доверились нам, Мистер Твайс! – Джеймс протянул руку перепуганному мужчине, усы которого поседели за ночь.

Твайс пожал ему руку и, уходя, перекрестился у лика Святого Лаврентия.

– Записаться на приём к психологу можете у Мэри, – Джеймс учтиво открыл дверь и указал на пухленькую женщину с рыжей шевелюрой, как у рок-звезды 80—х. Она дежурной улыбкой встречала выходящих из кабинета. – Консультация совершенно бесплатно! – добавил Джеймс и пригласил следующего клиента.

В холле не прекращались шушуканья, охи и ахи. Очередь делилась своим пережитым контактом, сценарий которого начинался одинаково: тощий двухметровый гуманоид встречал человека, вышедшего во двор посмотреть на внезапно возникшую вспышку света.

Того, кто спал под действием снотворного, гуманоид будил у постели.

Вечером, когда все подчинённые ушли, Джеймс сводил дебет с кредитом и мысленно целовал Святого Лаврентия в ноги. Да что там ноги! Если и дальше так дело пойдет, будь он жив, он сделал бы ему более приятные вещи! Джеймс оторвался от бумаг и посмотрел на смущенного покровителя, от стыда опустившего взгляд в пол.

– Прости! Прости! – вслух Джеймс попросил прощение у Святого за постыдные мысли!

Он открыл сейф и достал несколько сотен долларов, а затем, спрятав в него бумаги, выключил везде свет и поставил офис на сигнализацию.

Сид, держа фонарик в зубах, хрустел новенькими купюрами. Счастью не было предела. Таких денег на пицце ему не заработать никогда.

– Сид! – улыбнулся Джеймс и, едва дотягиваясь, хлопнул его по плечу. – Ну ты красавчик! Вот красавчик, мать твою! Бред Питт, мать его! Так сыграть, так сыграть! Я б на твоём месте задумался о Голливуде!

Сид, довольный, улыбался! Впервые его хвалят! Он и сам не ожидал, что роль гуманоида сыграет главную роль в его теперь уже сытой жизни.

– Кстати, я тут подумываю о расширении: открыть филиалы в других штатах. У тебя есть родственники?

Сид задумался и выключил фонарик.

– Я надеюсь, тебе не надо напоминать, что наш секрет должен остаться нашим? Иначе, ты же понимаешь – это мошенничество... А таких как ты в тюрьме по головке не гладят! – он засмеялся нечеловеческим голосом.

– Что вы, мистер Флаерс, я – могила!

– Отлично! Где список новых адресов?

– Вот! – Сид достал из нагрудного кармана свёрнутый лист бумаги.

Джеймс торопливо засунул список в свой:

– Через неделю на этом же месте, – они пожали друг другу руки.

Старый Понтиак скрылся за холмом.

Коллектор для особого случая

Вероника Виера

@vieraveronika

Тайлер Берг смотрел на свои стопы – в воде ноги казались на несколько размеров меньше. Он опустился в воду, подняв уровень с три четверти до самого края. Согнутые колени торчали из воды, как два холма.

В окне серые небоскрёбы царапали небо. Он так и не смог полюбить Нью-Йорк. Этот город перемалывает души как мясорубка, вместе с костями, со всеми потрохами. Сдирая кожу, он наполняет оболочку мусором с ближайшей свалки. Именно таким мусором чувствовал себя Берг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.